

В. Г. НИКОЛАЕВ

ПЕРЕСТРОЙКА ИДЕНТИЧНОСТЕЙ И НОВЫЕ МАРГИНАЛИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЗАТЯЖНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА (НА ПРИМЕРЕ СОБЫТИЙ 2013-2014 гг. В УКРАИНЕ)

***Аннотация:** В статье рассматриваются процессы трансформации идентичностей и возникновения новых маргинализаций в условиях острого затяжного политического кризиса. В качестве примера взят политический кризис 2013–2014 гг. в Украине. Этот кризис рассматривается в рамке для анализа конструирования социальных проблем, предложенной Г. Блумером. Автор рассматривает организацию символического поля событий в Украине и показывает, как она расшатывает старые идентичности, порождает новые идентичности и обуславливает новые виды маргинализаций.*

***Abstract:** In this paper the author considers transformations of identities and the emergence of new marginalizations in the conditions of a chronic acute political crisis. The case of political crisis in Ukraine in 2013–2014 is taken as an illustration. This crisis is seen in the reference frame for the analysis of construction of social problems as it was suggested by H. Blumer. The author offers his account of the organization of symbolic field in which current Ukrainian events take place and shows how it shatters the old identities, generates new ones, and determines new kinds of marginalization.*

***Ключевые слова:** идентичности, маргинальность, социальная проблема, социальное конструирование, символы, Украина.*

***Keywords:** identities, marginality, social problem, social construction, symbols, Ukraine.*

Проблема маргинальности. Идентичности и связанные с ними маргинальности надо рассматривать не как статичные сущности, не как готовые «вещи», а как пребывающие в историческом процессе и формиру-

Николаев Владимир Геннадьевич – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры общей социологии департамента социологии НИУ «Высшая школа экономики» (Москва).
E-mail: vnik1968@yandex.ru.

емые, поддерживаемые, изменяемые, разрушаемые этим процессом. Исторический процесс тоже не должен при этом реифицироваться как своего рода готовая «вещь»; это эмерджентный процесс коллективной деятельности. Локусом, в котором складываются, поддерживаются, изменяются, разрушаются идентичности и маргинальности как сопутствующий им феномен, является развертывающийся коллективный процесс практической деятельности, в который вовлечено множество разных акторов, индивидуальных и коллективных.

Как предельный случай динамики идентичностей можно взять процесс их быстрого изменения и переплавки в критических ситуациях, в частности в условиях острых политических кризисов.

Украинские события 2013–2014 гг. можно отнести к этой категории и определить в самом общем смысле как «социальную проблему», возникшую и развивающуюся проблемную ситуацию. Такое определение позволяет нам рассмотреть их в рамке для анализа «социальных проблем», предложенной Г. Блумером¹. Социальные проблемы, отмечает Блумер, «не существуют сами по себе как набор объективных социальных аранжировок, обладающих своим внутренним составом, а являются в конечном счете продуктами процесса коллективного определения»².

Такой подход требует рассматривать названную социальную проблему, подобно любой другой, как складывающуюся во времени в процессе ее деятельного коллективного конструирования, включающего всю историю ее определений и переопределений. За отправную точку можно принять начало стояния на Майдане Незалежности в Киеве (осень 2013 г.) и определение его как борьбы за евроинтеграцию Украины. В последующие месяцы происходил процесс все более широкого вовлечения в этот процесс новых акторов — как индивидуальных, так и коллективных, — сопровождавшийся целой серией переопределений происходящего и перегруппировок участников на базе этих переопределений. Под «определениями» имеются в виду не просто назывные обозначения, а целые комплексы описаний ситуации, в том числе ее сути, ее участников, их действий, мотивов и качеств, связи одних событий с другими, причин и факторов происходящего, ожиданий и т.д. и т.п. Эти описания не нейтральные, в них интегрированы оценки и эмоциональные инвестиции.

При таком понимании социальных проблем внимание фокусируется на развертывании процесса их конструирования в настоящем, на том, как

¹ Блумер Г. Социальные проблемы как коллективное поведение // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. — Социология. — 2008. — № 2. — С. 114–127.

² Там же. — С. 114.

они в настоящем определяются, и на следствиях этих определений для участников и их действий. Вопросы о происхождении этих проблем отступают на задний план. Для рассмотрения текущих украинских проблем, с этой точки зрения, нерелевантно то, что у них были «корни» со своим особым «объективным составом» в прошлом и что они из них «выросли». Скорее здесь правильно говорить о том, что проблемное настоящее служит теперь точкой отсчета для обнаружения его корней (причин, факторов, предпосылок и т.п.) в прошлом. Прошлое передумывается и переписывается исходя из настоящего и обретает определенность в соотношении с ним³.

Прошлые состояния, от которых предположительно производно сегодняшнее проблемное состояние, определяются сегодня как проблемные в зависимости от того, сталкивались ли определяющие с ними в прошлом как с проблемами или нет, трактовали ли они их прежде как проблемы или нет, в зависимости от их позиций в текущей ситуации и текущих интересов, в зависимости от того, насколько акцентируются те или иные черты текущей ситуации как проблемные в текущем коллективном определении ситуации, значимом для определяющих, и т.д. Во всяком случае, даже если в прошлом какие-то состояния были проблемами, тогда они не порождали практических последствий, порождаемых ими в настоящем, т.е. их практический смысл существенно изменился. Разумеется, разные позиции в текущей ситуации и связанные с ними разные интерпретации настоящего дают разные описания прошлого. Например, разные акторы выдвигают утверждения как о наличии, так и об отсутствии в прошлом «проблемы русского языка» или проблем с трактовкой и преподаванием истории Украины в школах. Вне зависимости от истинности или ложности этих утверждений, проблемность этих состояний в настоящем значима и имеет практические последствия⁴, и ретроспективные их оценки на этом никак не сказываются.

Несущественно и то, что в прошлом эти состояния могли описываться кем-то как состояния, которые приведут в будущем к тем — в общих чертах — последствиям, к которым они предположительно привели в настоящем. Поскольку усматриваемое в связи с этими оценками прошлое будущее могло в отсутствие кризиса не осуществиться в настоящем и при иных стечениях обстоятельств могли реализоваться другие прошлые будущие, отличные от свершившегося, а соответствующие оценки и предвидения не получили бы практического подтверждения — и оценка этих прошлых предвиде-

³ Мид Дж. Г. *Философия настоящего*. — М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. — С. 65-66.

⁴ В соответствии с «теоремой Томаса».

ний в настоящем была бы совсем другая, если бы вообще была, — то важность этих прошлых «прозрений», по сути, ретроспективна, и в нашем контексте они могут быть интересны только как часть нынешнего проблемного состояния и в том значении, которое они имеют сейчас.

Таким образом, предлагается рассмотреть украинские события без соотнесения с прошлым, без обращения к их причинам и происхождению, как развертывающийся коллективный процесс, в ходе которого выработалось состояние, ясно воспринимаемое всеми участниками как проблемное.

Типичный процесс конструирования социальных проблем включает вовлечение в него разного рода акторов, предлагающих свои определения тех или иных состояний как проблемных, и вывод этих определений (описаний) на «признанные арены публичной дискуссии»⁵. В этом процессе проблема легитимируется как проблема и «становится предметом обсуждения, спора, различающихся описаний и разных требований»; в дело вовлекаются чувства и образы, под их влиянием неизбежно возникают «завышенные притязания и искаженные описания»⁶. Блумер указывает на такие важные стороны этого процесса, как роль агитации и насилия в обеспечении признания проблем, игра различных групп интересов, одни из которых ожидают материальных выгод от «возведения некоторого состояния в статус проблемы», а другие, наоборот, стремятся помешать этой проблематизации, «роль политических деятелей в раздувании озабоченности некоторыми проблемами и отвлечении внимания от иных условий», роль влиятельных организаций и корпораций, роль средств массовой коммуникации в отборе социальных проблем, влияние чрезвычайных происшествий и т.д.⁷ Результатом выработки коллективных определений социальных проблем становятся «планы действия» и внедрение этих планов⁸. Блумер фокусирует внимание на случаях, в которых развитие и внедрение этих планов не сталкивается с развитием и попытками внедрения альтернативных планов. В случае украинских событий очевидно развитие разными участниками альтернативных планов действия, и столкновение этих планов и их практических внедрений — главная черта этого процесса.

Полный анализ процесса конструирования проблемного состояния, в котором оказалось весной 2014 г. украинское общество, потребовал бы

⁵ Блумер Г. Указ. соч. — С. 121.

⁶ Там же. — С. 123.

⁷ Там же. — С. 121.

⁸ Там же. — С. 124-125.

ясной реконструкции всех перечисленных моментов. Но такой задачи перед нами здесь не стоит; для нас важен лишь тот аспект целостного процесса, который связан с преобразованиями идентичностей. Чтобы ясно очертить ту область, о которой далее будет идти речь, установим несколько ограничений:

1) в развертывание событий в Украине вовлечено множество акторов, коллективных и индивидуальных. Участие ряда ключевых акторов имеет во многом латентный характер (это прежде всего РФ, США, страны Евросоюза, спецслужбы, украинские олигархи и т.д.), и текущие определения степени и характера этого участия сильно политизированы и вряд ли могут в настоящее время быть проверены и удостоверены. Соответственно, мы отказываемся от всяких попыток соотнести те определения, о которых пойдёт речь, с ролями конкретных акторов, просто приняв значимость этих определений по факту;

2) определения состояний как проблемных могут как более или менее естественно «вырастать», так и искусственно внедряться заинтересованными участниками с целью повернуть ход событий в свою пользу. В обсуждаемом случае имеет место и то и другое. Мы отказываемся от попыток ответить на вопрос, какие из определений «естественны» или «искусственны» и в какой степени. Если эти определения «работают» в настоящем, то вопрос о том, как они были приведены в это рабочее состояние, можно отложить в сторону как нерелевантный для решения стоящих перед нами задач;

3) детальное историческое прослеживание того, как хронологически развертывался процесс формирования определения наличной ситуации, было бы желательным и полезным. Однако мы не ставим перед собой этой задачи, ограничивая себя тем коллективным определением происходящего, которое сложилось на начало мая 2014 г., имея в виду, что это определение значимо в настоящем само по себе, независимо от того, как оно исторически возникло;

4) принятая здесь точка зрения предполагает принятие во внимание тех и только тех элементов определений, которые регулярно используются на аренах публичной дискуссии, и рассмотрение этих элементов в том смысле, который им придают сами участники. Наиболее важны среди них те, которые регулярно вызывают на этих аренах немедленные опознаваемые последствия, достаточно ясным образом связанные именно с ними.

Итак, в центре нашего внимания — символический процесс определения текущего проблемного состояния и происходящих событий их участниками. Этот процесс развернулся на множестве сетевым образом сцепленных арен, которые можно грубо и приблизительно разделить на две

группы: уличные арены, часто связанные с теми или иными практическими действиями, и чисто коммуникационные арены, прежде всего в СМИ и социальных сетях. В первом случае коммуникация, в которой выдвигаются определения/описания происходящего, тесно переплетена с практическим поведением, тогда как во втором она не связана напрямую с практическими действиями, относительно автономна от них, что делает арены этого типа площадками циркуляции определений, более или менее свободных от непосредственных практических ограничений (и потому часто более радикальных), а также стратегическими точками введения в коммуникационное поле искусственных определений для оказания внешних воздействий на коллективное поведение и направления его в ту или другую сторону.

Разумеется, арены этих двух типов тесно связаны, и выступающие на них участники часто одни и те же люди, но в целях анализа их полезно различить. Резонно сосредоточить внимание в первую очередь на аренах второго типа, на которых наблюдаем в чистом виде символический процесс формирования и столкновения определений, а арены первого типа брать как места для проверки того, насколько эти определения практически значимы, т.е. реализуются в практических действиях. Арены второго типа (например, дискуссии в социальных сетях) тоже могут использоваться для наблюдения реакций участников на определения и те или иные их элементы, но это коммуникативные (речевые) реакции, которые могут как быть, так и не быть гомологичными реакциям, воплощенным в действиях.

Символический процесс определения проблемной ситуации в Украине имел сложную траекторию, в разных точках которой в него входили новые элементы, осуществлялись переопределения, рождались новые определения. Этот процесс был связан с преобразованием идентичностей, границ между идентичностями и развитием новых маргинализаций на этих границах. Если вначале смысловое ядро Евромайдана составляли проблема евроинтеграции и гражданский протест против коррупции, то к декабрю 2014 г., с переходом противостояния в насильственную фазу и выдвиганием на передний план наиболее радикальных групп внутри Майдана, происходящее стало все более походить на националистическую революцию. Во всяком случае, развитие этой тенденции имело кумулятивный характер, и к концу февраля – началу марта 2014 г. сложилась констелляция смыслов, типичных для национализма и националистической революции: антиимперская направленность протеста (Россия/СССР/империя как негативный символ и негативная точка отсчета), обострение значимости государственного языка (нашедшее кульминацию в пер-

вом законе, принятом Радой после победы Майдана), кристаллизация общего прошлого, общей национальной истории и национальной мифологии (ОУН УПА, Степан Бандера, Киевская Русь, извечная борьба с «москалями» и т.д.), патриотический подъем, повышенная отзывчивость к национальным государственным символам (гимн, герб, национальный флаг), культ павших героев («небесная сотня»), идея особой миссии Украины в современном мире, формирование вокруг них сильных коллективных чувств (выраженное в широко распространившейся идее, что понять происходящее может только тот, кто лично был на Майдане)⁹. Здесь важен, как уже говорилось выше, не «объективный состав» проблемы, а то, какие определения относительно нее развились и утвердились на основных «аренах публичной дискуссии». Какие бы мотивы ни двигали рядовыми участниками и каких бы частных мнений о происходящем они ни придерживались, на публичных аренах утвердились эти комплексы сильно эмоционально заряженных символов.

Это определение по мере его формирования стимулировало выработку контроопределений. Последние тоже складывались постепенно, в связке с тем, как развивались ситуация и ее определение противостоящей стороной, имели кумулятивный характер, и этот процесс развития параллельных определений был рекурсивно связан с кристаллизацией и все более жесткой поляризацией оппонирующих позиций в поле политического противостояния, выстроенных вокруг Майдана и Антимайдана. По мере кристаллизации каждой из позиций происходила все более широкая мобилизация сил и ресурсов и вовлечение их в процесс силового отстаивания противоположных определений и связанных с ними интерпретаций сути происходящего, ключевых проблемных точек и желаемых будущих. Соотношения масштабов и силы поддержки этих двух противостоящих позиций были с самого начала неравномерно распределены по разным регионам Украины, и последствия этого очевидны.

Мы исходим из того, что вовлечение в активное противостояние было для всех участников на всех его этапах опосредовано текущей организацией поля символических интерпретаций происходящего и предполагало занятие в нем определенной позиции. Иначе говоря, поле символических определений самим своим внутренним устройством распределяло вовлекающихся акторов по позициям в политическом процессе, а занятие этих позиций само по себе способствовало принятию прилагающихся к ним интерпретаций и символов.

⁹ См., например: *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. — М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001.

Как уже было отмечено, детальная историческая реконструкция всего процесса выстраивания этого символического поля не входит в наши задачи. Мы рассмотрим лишь текущую организацию этого поля, сложившуюся на начало мая 2014 г., опираясь на собственные наблюдения. Сначала приведем эти наблюдения, после чего проинтерпретируем их с точки зрения того, что этот процесс делает с идентичностями и кого и как он маргинализирует.

Наблюдения¹⁰. За полгода — сравнительно небольшой по историческим меркам срок — в символическом поле, выстроенном вокруг происходящего в Украине, утвердился целый ряд символов, работающих как объединяющие и одновременно разъединяющие символы, за которыми стоит дифференциация разных определений происходящего. Это либо символы одной из позиций в противостоянии, воспринимаемые позитивно из этой позиции и негативно из противоположной, либо оскорбительные именованья, взаимно используемые акторами из этих позиций в отношении друг друга, либо парные символы, одни из которых ассоциируются с одной позицией, а другие с другой. Все эти символы поляризуют участников, деятельно вовлекающихся в ситуацию.

¹⁰ Наблюдения проводились в регулярном режиме с использованием личного аккаунта в социальной сети Facebook (январь-май 2014 г.). Этот ресурс дал доступ к разного рода материалам, отражающим весь спектр точек зрения на происходящее. Это следующие типы материалов: авторские посты с обсуждениями; перепосты чужих авторских постов с обсуждениями под перепостом и оригинальным постом; новостные сообщения различных СМИ (украинских, российских, британских, американских, немецких); записи в блогах, живых журналах, на специализированных страницах с комментариями (при их наличии); находимые по ссылкам любительские видео; онлайн-трансляции с киевского Евромайдана и из других горячих точек; карикатурные и пропагандистские материалы разных сторон конфликта; аналитические статьи и иные аналитические материалы, размещенные в сети и содержащие разные описания и интерпретации происшедших событий. Наблюдения были сфокусированы на коммуникации и использовании в ней особых символов, имевших для участников коммуникации высокую эмоциональную значимость. Особое внимание обращалось на разные языки описания одного и того же, на символы, имеющие высокий объединяющий/разъединяющий потенциал, на последствия употребления этих символов и языков описания и характер этих последствий. В сфере внимания были как виртуальные дискуссионные арены (сайты, страницы, ЖЖ, блоги), так и арены практического действия (документированные в любительских видео и онлайн-трансляциях). Взаимодействия на этих двух типах арен были предметом сопоставления. Эти наблюдения никак не отвечают строгим научным критериям. Чем-то они близки к сетевому включенному наблюдению; иногда автор участвовал в обсуждениях, рефлексирова реакции других их участников на свои реплики и собственные реакции на их реплики. В меру возможности отслеживались тексты, в которых участники подобных обсуждений делились впечатлениями о самих этих обсуждениях, их характере и коммуникативном поведении их участников.

Приведем некоторые основные символы (подчеркнем, что речь здесь идет именно о символах и связях между ними, а не об «объективном составе» проблемной ситуации, как бы они с ним ни соотносились).

1. Установились «геополитические» ассоциации Майдана с Западом, а Антимайдана – с Россией. Принятие позиции Майдана почти автоматически предполагает эмоционально окрашенное позитивное отношение к Западу и негативное – к России, а принятие позиции Антимайдана – противоположное отношение к ним.

2. В ходе развития ситуации на авансцену вышли сильно эмоционально заряженные исторические символы: со стороны Майдана – такие символы, как Степан Бандера, ОУН УПА и т.п., со стороны Антимайдана – символы, связанные с Победой в Великой Отечественной войне (в первую очередь георгиевская ленточка). Более глубокий смысл этого размежевания кроется в дифференциации историй (коллективных прошлых) западных-центральных и юго-восточных регионов страны; разница в трактовках истории Украины во времена Второй мировой войны – лишь одно из проявлений, хотя и наиболее заметное, этой дифференциации. Ассоциация противоборствующих позиций с разными историческими символами стала основой таких оскорбительных взаимных именований, как «фашисты», «бандеровцы»¹¹ (в адрес сторонников Майдана) и «колорады» (в адрес сторонников Антимайдана). Это разделение стало настолько значимым, что сказалось на символике мероприятий в честь победы над фашизмом (8-9 мая 2014 г.). Эта же дифференциация проявила себя в разном отношении к советскому наследию (памятники Ленину).

3. Размежевающими сильно эмоционально заряженными символами стали российское телевидение и Путин (ввиду важной роли, придаваемой им в порождении и эскалации украинского политического кризиса). Со стороны Майдана эти символы были предельно демонизированы («кремлевидение», «кремлёвская пропаганда», «Путлер» и т.п.); на Юго-Востоке же проявилось гипертрофированно позитивное отношение к ним.

4. Обостренную символическую значимость обрел язык повседневного общения. Хотя граница между Майданом и Антимайданом никоим образом не является ни этнической, ни языковой, Майдан стал преимущественно – и даже подчеркнуто – украинскоязычным, Антимайдан – русскоязычным. Это, в частности, бросается в глаза в социальных сетях и в СМИ, занимающих ту или другую позицию в политическом противостоянии. В контексте поисков предположительно засылаемых российских и пророссийских провокаторов обрел значимость «русский акцент» у

¹¹ В разных транскрипциях и произношениях. Также «бандеры» и «бандерлоги».

говорящих по-украински. Языковое размежевание утвердилось поверх практически сплошного двуязычия.

5. По ходу развития противостояния возникли и закрепились символы оскорбительного характера для обозначения оппонентов: «титущки», а позже «ватники», «вата», «колорады» (употребляемые в отношении противников Майдана), «майдауны», «майданутые» (в отношении сторонников Майдана). Символы этого ряда нагружены тяжелыми негативными коннотациями, иной раз едва ли не расистскими, предполагая второсортность обозначаемых ими людей («гопота», «гопники», «быдло», «рабы») или наличие у них особого рода дефектов («майдан головного мозга» и т.п.). Употребление этой лексики жестко дифференцировано границей между Майданом и Антимайданом.

6. В силу идентификации антимайдановских сил с русскоязычностью и русскостью, особое звучание приобрел термин «москали», обозначающий что-то вроде плохих (антиукраинских) русских. Употребление этого термина (а также более радикальных по звучанию терминов «кацапы» и «Кацапстан») жестко ограничено кругом сторонников Майдана; сторонники Антимайдана, независимо от их этнической принадлежности, эти слова не употребляют.

7. Обострилась эмоциональная значимость государственной символики (флаг, герб, гимн). Если с Майданом тесно ассоциирована государственная символика Украины, то Антимайдан соединился с таким символом, как флаг России. Упрощенные версии флагов (повязки, ленточки, нашивки) получили широкое хождение как опознавательные знаки. События в юго-восточных областях (весна 2014) отмечены спусками, подъемами, сжиганиями флагов как одними их ключевых символических актов противостояния.

8. По обе стороны противостояния выросли свои пантеоны и культы героев: со стороны Майдана — более развитый («небесная сотня» и связанные с ней символы и места памяти), со стороны Антимайдана — судя по всему, более официальный, более искусственный и менее убедительный (символизм «Беркута»).

9. Отдельного упоминания заслуживает такой символ, как «Правый сектор». Хотя ассоциация «Правого сектора» с Майданом была изменчивой, а оценки сути и роли «Правого сектора» со стороны сторонников Майдана очень разнятся, в представлении сторонников Антимайдана «Правый сектор» почти синонимичен Майдану и киевским властям, и в отношении всех, кто выступает на стороне последних, употребляется обозначение «правосеки» (в одном ряду с такими обозначениями, как «хунта», «бандеры», «фашисты»).

10. По ходу развертывания противостояния у его сторон развились свои отличительные символические формулы, шибболеты, лозунги, речевки. Наибольшую устойчивость среди них обрела формула сторонников Майдана «Слава Украине! Героям слава!»¹²

Интерпретация. Список этих символов можно было бы продолжить, но в этом нет необходимости. Нас эти символы интересуют не сами по себе, а как отсылки к тем определениям, которые организуют символическое поле развертывающегося в Украине противостояния. Каждый из этих символов разводит тех, кто вовлекается в это противостояние, по разным позициям; все эти символы дихотомизируют и поляризуют участников.

Эти символы четко группируются в кластеры, совершенно очевидным образом поляризованные и поляризующие. Принятие определённой позиции по одной дихотомии практически автоматически задает выбор по остальным дихотомиям. Эти дихотомические деления поддерживают и усиливают друг друга. Единство общества в ключевых символах не наблюдается; мы видим раскол в видениях коллективного прошлого, настоящего и будущего.

Описание этой организации символического поля ничего не говорит ни о соотношении противостоящих сил, ни о состоянии той значительной части украинского общества, которая не вовлечена в активные силовые действия и активную информационную войну. Речь идет лишь о том, что при активном вовлечении в них каждый участник вынужден действовать в рамках только что очерченных символических размежеваний и не может этого избежать. Эти рамки оказывают принуждающее воздействие, почти в дюркгеймовском смысле. Все перечисленные символы регулярно порождают конфликты, от разговорных до физических. Все являются символами, по которым регулярно осуществляется опознавание «своих» и «чужих». Неуместное или неудачное употребление этих символов в публичных пространствах легко провоцирует насилие, от оскорблений и избиения до убийства; оперирование этими символами на таких аренах, как социальные сети, регулярно сопряжено с потоками взаимных оскорблений и, в крайнем случае, «отфренживанием» и «забаниванием» (символическим устранением оппонента).

Теперь рассмотрим, как это сконструированное символическое поле сказалось на идентичностях.

¹² Работу всех этих символов можно проиллюстрировать бесчисленными примерами. Хотя бы небольшой, но более или менее представительной выборки материалов, относящихся к первой половине мая 2014 г. и сохранившихся на ключевых аренах публичной дискуссии (социальные сети, блоги, дискуссии под постами в ЖЖ или роликами в YouTube и т.п.), будет достаточно для того, чтобы обнаружить весь их набор.

Во-первых, утратило само собой разумеющийся характер употребление слова «украинцы» как средства идентификации всех граждан Украины. Это проявляется, например, в таких выражениях, как «украинские войска» или «укро-СМИ», исключаящих из числа «украинских» действующие на востоке страны отряды самообороны и СМИ, выступающие против политики Киева.

Во-вторых, по мере усугубления противостояния сначала проявилась дихотомия «Запад и Центр versus Юго-Восток», а позже, когда обнаружилась неоднородность Юго-Востока, появились новые идентификации, последними из которых на май 2014 г. стали «Малороссия», «Новороссия», «Донецкая народная республика», «Луганская народная республика» (речь здесь не идет о живучести этих новообразований, на данный момент они имеют характер открытых предложений, вынесенных на символический рынок).

В-третьих, в рамках очерченной принуждающей символической логики стало затруднительным, а то и невозможным, описание происходящего, в том числе вовлеченных в противостояние акторов и их действий, которое бы не помещало описывающего в ту или другую позицию в этом противостоянии. То, что с одной стороны описывается как «АТО», с другой описывается как «оккупация»; то, что с одной стороны описывается как «законная власть», с другой описывается как «хунта»; то, что с одной стороны описывается как «Нацгвардия», с другой описывается как «правосеки»; и т.д. и т.п. При этом сам выбор лексики для описания автоматически причисляет описывающего к той позиции, под чье определение происходящего это описание подпадает. Это отсутствие единых и общепринятых обозначений ключевых элементов происходящего – симптом общего размывания (раздвоения) идентичностей.

В-четвертых, акцентирование украинскости в противовес России имело следствием проблематизацию не только украинской идентичности, но, по контрасту, и русской. Каким бы мирным ни был фон этой проблематизации, тем самым были созданы новые напряжения в смешанных идентичностях и открыты новые возможности для русского национализма («Русская весна»).

В-пятых, поскольку идентичности имеют временное измерение, важно отметить то напряжение в существующих идентичностях, которое связано с новой проблематизацией исторического прошлого и извлечением «скелетов» из прежде закрытых исторических «шкафов». Проблематизация настоящего спровоцировала проблематизацию прошлого (как сравнительно недавнего, так и давнего – например, такого понятия, как «Киевская Русь»).

Оставляя этот анализ открытым и не претендуя на его завершенность, можно констатировать, что в условиях острого политического кризиса (в частности, в таких неоднородных постимперских обществах, как украинское) все идентичности могут приходить в стремительное движение и переживать серьезные трансформации.

С переконфигурацией идентичностей и различий на новообразующихся границах между новыми солидарными образованиями складываются новые, не существовавшие ранее маргинализации. В нашем случае они связаны с тем, что не все затронутые данным процессом люди могут и готовы занять в конфликтном поле однозначную позицию, приняв все прилегающие к ней символы и интерпретации скопом. Сколько угодно мотивов и обстоятельств могут помещать одного и того же человека в разные «лагеря» по разным из перечисленных выше дихотомий. Любая попытка совместить несовместимое неизбежно будет сопряжена с теми специфическими затруднениями, которые характерны для «маргинального человека»¹³.

На момент подготовки этой статьи украинское общество находится на развилке, и исход описанной здесь символической борьбы не предопределен. Многие наблюдатели оценивают новорожденные идентичности скептически. Тем не менее, при анализе такого рода процессов необходимо учитывать силу принуждающего воздействия символических определений, помня о том, что, по словам П. Бурдые, «социальные классификации, оперирующие главным образом... бинарными противопоставлениями..., организуют восприятие социального мира и при определенных условиях реально могут организовать сам этот мир»¹⁴.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. — М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001.
2. *Блумер Г.* Социальные проблемы как коллективное поведение // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. — Социология. — 2008. — № 2. — С. 114-127.
3. *Бурдые П.* Социальное пространство и символическая власть // *Бурдые П.* Начала. — М.: Socio-Logos, 1994. С. 203.
4. *Мид Дж. Г.* Философия настоящего. — М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. — С. 65-66.
5. *Николаев В. Г.* Маргинальность (культурная) // Социокультурная антропология: История, теория и методология: Энциклопедический словарь / Под ред. Ю. М. Резника. — М.: Академический проект, Культура; Киров: Константа, 2012. С. 803-817.

¹³ См.: *Николаев В. Г.* Маргинальность (культурная) // Социокультурная антропология: История, теория и методология: Энциклопедический словарь / Под ред. Ю. М. Резника. — М.: Академический проект, Культура; Киров: Константа, 2012. С. 803-817.

¹⁴ *Бурдые П.* Социальное пространство и символическая власть // *Бурдые П.* Начала. — М.: Socio-Logos, 1994. С. 203.